

Станислав Витальевич Хатунцев –

кандидат исторических наук, автор работ по истории, философии и геополитике, в том числе монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)»

Византизм или евразийство?

Культурно-историческая суть Византии

Можно сказать, что в качестве особой страны Византия оформилась в 395 году нашей эры благодаря окончательному разделу единой Римской империи на западную и восточную части после смерти последнего из великих императоров-«могикан» на ее престоле – Феодосия Великого. Благодаря преобладанию в Византии греческого культурного элемента – греческого языка, эллинизированного населения и т.д. – в Киевской Руси ее, как правило, называли Греческим царством, а европейцы именовали державу кесарей Империей греков. Сами же византийцы называли себя римлянами –

ромеями, а свою страну – Римской (Ромейской) империей, или просто – Романией, откуда пошло и имя Византии у восточных, прежде всего мусульманских, народов – Рум. С 330 года столица Римской империи располагалась в Константинополе, с начала IV века являвшемся взамен дряхлевшего Рима крупнейшим и наиболее влиятельным центром мировой державы, сложившейся в бассейне Средиземного моря. Сам же Рим в этот период можно в какой-то степени уподобить Петрограду после возвращения большевиками столицы государства в Москву. В 476 году, по упразднении Западной Римской империи варварским вождем Одоакром, Византия – Восточная Рим-

Падение Первого Рима выглядело как восстановление единства средиземноморской империи и окончательное перенесение ее политического и духовного центра на Восток. Это долго подпитывало «реваншистские» настроения константинопольских цезарей, стремившихся восстановить утраченную целостность имперского пространства.

ская империя — на многие века осталась единственной великой державой от Евфрата до западного побережья Европы — Бретани, Лузитании и Ирландии. При этом падение Первого — «латинского» — Рима выглядело как восстановление единства средиземноморской империи и окончательное перенесение ее политического и духовного центра на Восток, к так называемым Черноморским проливам — Босфору и Дарданеллам, разделяющим географически Европу и Азию, что долго подпитывало «реваншистские» настроения константинопольских цезарей, стремившихся восстановить утраченную целостность имперского пространства.

Наибольших успехов на этом пути — ценою колоссального напряжения державно-государственных сил — достиг император Юстиниан I в VI веке. Ему удалось расширить пределы Византии и на Востоке, в основном за счет Армении, северо-западной части Месопотамии и некоторых областей Аравии, и на Западе. Там владения византийской короны некоторое время более или менее соответствовали рубежам могущества Римской республики после падения Карфагена в середине II века до нашей эры, включая Италию, Далмацию, Иллирию, Северную Африку, Юго-Восточную Испанию, острова и архипелаги Западного Средиземноморья.

Линия Босфор—Дарданеллы, замыкавшая берега Мраморного моря, являлась геополитической осью Византии, стержнем, на который нанизывались ее владения. Эта ось сохранила свою основополагающую роль и для преемницы Ромейской империи — Оттоманской державы, и для наследницы Ближневосточной Порты — современной Турции, хотя международное значение

последней несравнимо меньше значения ее предшественниц в эпоху от Константина Великого до Сулеймана Великолепного (то есть от IV до XVI веков). Но и общемировая роль Османской империи в целом тоже существенно скромнее в сопоставлении с Византией. По сравнению с эпохой ее расцвета упала и международная значимость Проливов. Почему это произошло — будет понятно далее. Геополитическая линия Босфор—Дарданеллы стала формироваться намного раньше развала общеримской державы — еще с начала греческой колонизации бассейна Средиземного моря в VIII—VII веках до нашей эры. Тогда выходцы из полисов прекрасной Эллады основали свои поселения, помимо прочих локаций, по Босфору и Дарданеллам, установив контроль над ними, а также над побережьем Мраморного моря — над пространствами, важными и в геостратегическом, и в геоэкономическом отношении.

Чуть позже, в VI—V веках до нашей эры, сложилась линия борьбы и интенсивного взаимодействия между владениями иранцев и политическими единицами под управлением сначала «классических» греков, затем — их наследников и наследников их наследников — македонцев, эллинистических династий Восточного Средиземноморья, римлян, все тех же византийцев. С I века до нашей эры до второй половины VII века нашей эры — больше семи столетий — этот конфликт протекал в форме соперничества двух великих держав — Запада и Востока, Азии и Европы. После подчинения персидской империи Сасанидов арабами в 651 году указанный конфликт трансформировался в борьбу между Византией и мусульманскими народами — главным образом в Малой Азии и

в бассейне Эгейского моря. А с возникновением Османской империи он превратился в противостояние между этой новой державой, политический центр тяжести которой, как и у Византии, лежал на оси Черноморских проливов, и правителями больших государств, базировавшихся на Иранском нагорье. Этот конфликт значительно ослабел только к началу XIX столетия, однако и в ослабленной форме существует он до сих пор, выступая в виде соперничества Турции и Исламской Республики Иран.

Несмотря на культурное преобладание греков, этнический состав населения Византийской империи на всем протяжении ее существования был весьма пестрым. В Византии проживали различные индоевропейские по своему языку народы. Среди них — собственно эллины, славяне, готы, представители романских и романизированных общин (средневековые итальянцы, далматинцы, даки). Там же обитали армяне, фракийцы, иллирийцы, малоазийские племена — особенно ираноязычные предки нынешних курдов. Кроме того, немало в византийских владениях было семитов — сирийцев, евреев, хамитов (египтян), выходцев из тюркоязычной среды и более мелких национальных групп, особенно на Кавказе. В религиозном отношении Византия была сравнительно более однородной. Хотя главенствующее положение в ней занимало православие, имелись и те, которые придерживались иных христианских деноминаций, прежде всего монофизиты — адепты Армянской апостольской церкви, копты, а также «схизматики» — католики. Здесь же возникло несторианство, проживали — в эпоху Великого переселения народов — еретики-ариане, существовало конфессио-

Иван Айвазовский. Вид Константинополя и Босфора. 1856

нальное наследие античной эпохи — язычество. Из других религий масштабнее всего на землях, контролируемых Византией, были представлены разнообразные иранские верования, иудаизм и отчасти ислам, имелись приверженцы всяческих мистических направлений, сект — наследников и продолжателей позднеантичного гностицизма. Под их воздействием в державе восточных кесарей возникали такие выходившие за рамки мировых религий течения, как павликианство.

Геополитически Византийская империя находилась почти в постоянном движении. Границы ее были исторически нестабильными, быстро и часто менялись — вследствие удачной или, напротив, неудачной внешней политики, проводимой константинопольскими правителями, усиления или ослабления множества теснивших Византию врагов. Порой она едва не теряла и даже прямо утрачивала свою геополитическую ось — Черноморские проливы. А наиболее устойчиво в состав этой восточносредиземноморской империи входили земли, лежащие по обе стороны Бос-

Линия Босфор–Дарданеллы, замыкавшая берега Мраморного моря, являлась геополитической осью Византии, стержнем, на который нанизывались ее владения. Эта ось сохранила свою основополагающую роль и для преемницы Ромейской империи — Османской державы, и для наследницы Блистательной Порты — современной Турции.

фора и Дарданелл, — различные регионы обоих полуостровов, Малоазиатского (Анатолия, прежде всего — Западная) и Балканского (в первую очередь — Греция с Румелией, то есть Фракией).

Можно выделить три больших периода подъема и упадка могущества — территориальных «оптимума» и «минимума» — Византийской державы. Максимальные размеры она имела в VI — начале VII веках, затем значительную часть своих владений утратила. Со второй половины IX века Византия опять стала набирать пространственный вес, но новый пик ее мощи в целом пришелся на XII столетие. В 1164 году император Мануил I Комнин даже принудил признать сюзеренитет Византии могущественное и довольно отдаленное Венгерское королевство и в последний раз утвердил власть кесарей над Сербией. Но уже в 1176 году

после разгрома ее армии турками-сельджуками при Мориокефалоне империя была вынуждена перейти к обороне, а еще менее чем через 30 лет, в 1204 году, в результате Четвертого Крестового похода, она временно прекратила существование. На месте державы кесарей возникла непрочная Латинская империя, павшая в 1261 году. Короткий всплеск усиления Византии пришелся на период ее реставрации — последнюю треть XIII века. Но тогда это была уже не мировая держава — как таковую ее уничтожили крестоносцы.

Перманентная нестабильность Византии объясняется не только характером эпохи, в которую она существовала. В гораздо большей степени причина подобной исторической специфики Византии заключалась в другом. В культурно-историческом плане территории, в тот или иной

Геополитически Византийская империя находилась почти в постоянном движении. Границы ее были исторически нестабильными, быстро и часто менялись – вследствие удачной или, напротив, неудачной внешней политики, проводимой константинопольскими правителями, усиления или ослабления множества теснивших Византию врагов.

период включавшиеся в византийский политикум, являлись (и являются) или пространствами лимитрофными, разделяющими и соединяющими три великие цивилизации – европейскую, афразийскую (арабо-персидскую) и российско-евразийскую, или лимбовыми, окраинными областями этих цивилизаций. Причем основная часть лимитрофов, принадлежавших Византийской империи, – это не просто лимитрофные земли, а часть так называемого Великого лимитрофа – сферы соприкосновения и взаимодействия метацивилизаций, культурно-исторических миров более высокого ранга, нежели сами цивилизации. В

каждую метацивилизацию входит пара связанных друг с другом цивилизаций. Византия возникла на стыке, условно говоря, метацивилизации Севера, включающей европейский и российско-евразийский миры, и метацивилизации Юга, в которую, помимо афразийской цивилизации, входит и цивилизация Черной Африки.

Территориальное же ядро Византийской империи – нанизанные на ось Проливов Балканы и Малая Азия вместе с прилегающими к ним бассейнами Черного и Средиземного морей и расположенными в них островами – является частью одного из двух существующих на нашей планете

своеобразных «узлов скупивания» – районов, в которых сталкиваются три и более цивилизационных миров. Отметим, что другой «узел скупивания» находится в центре Азии – это Афганистан с прилегающими к нему обширными областями. Здесь сочленяются уже четыре цивилизации – российско-евразийская, афразийская, индийская (южноазиатская) и китайская (восточноазиатская, она же дальневосточная), – входящие в состав всех трех выделяемых автором этих строк метацивилизаций Старого Света – не только Севера и Юга, но и Востока.

Ядро Византийской империи и многие другие земли, принадлежавшие ей, входят в состав станового хребта Великого лимитрофа. Этот становой хребет образуют оба названные «узла скупивания» и соединяющая их опорная ось. Становой хребет Великого лимитрофа с древнейших эпох и

до настоящего времени играл и продолжает играть чрезвычайно важную роль в мировой истории и геополитике. Он является дверью, ведущей к контролю над всей Евразией и к мировому господству. Дверью, имеющей два замка — серебряный (Балкано-Анатолийский «узел скупивания», опорный ареал Византии) и золотой (Центральноазиатский «узел скупивания»).

Такова культурно-историческая суть Византии, определяющая место и роль этой империи на геополитической карте мира.

Геополитическая разгадка византийской уникальности

Известно, что Византия вела очень оживленную торговлю с Ираном, Индией, Китаем, другими странами Востока, а в средиземноморской торговле с Западной Европой до Крестовых походов она была гегемоном. Через нее пролегли важнейшие торговые пути, сформировавшиеся еще в античную эпоху и процветавшие в период великих империй, разрезавших или, скорее, соединивших Евразию «поясом Ойкумены» от атлантического ее фасада до Желтого моря и от Альбиона до Аксума и Йемена. Это и Великий шелковый путь из Китая, и Путь благовоний — через Аравию к портам Красного моря, Персидскому заливу и Индийскому океану, то есть мировые артерии, значение которых сохранялось до эпохи Великих географических открытий. Нельзя не упомянуть и легендарный путь «из варяг в греки», стартовавший у причалов Константинополя.

Османская держава, которая воспроизвела геополитический паттерн Византийской империи, на протяжении своего существования являлась более устойчивым и предска-

Мастер Мадонны Страуса. Император Ираклий возвращается в Иерусалим Животворящий крест, захваченный персами. Конец XIV – начало XV века

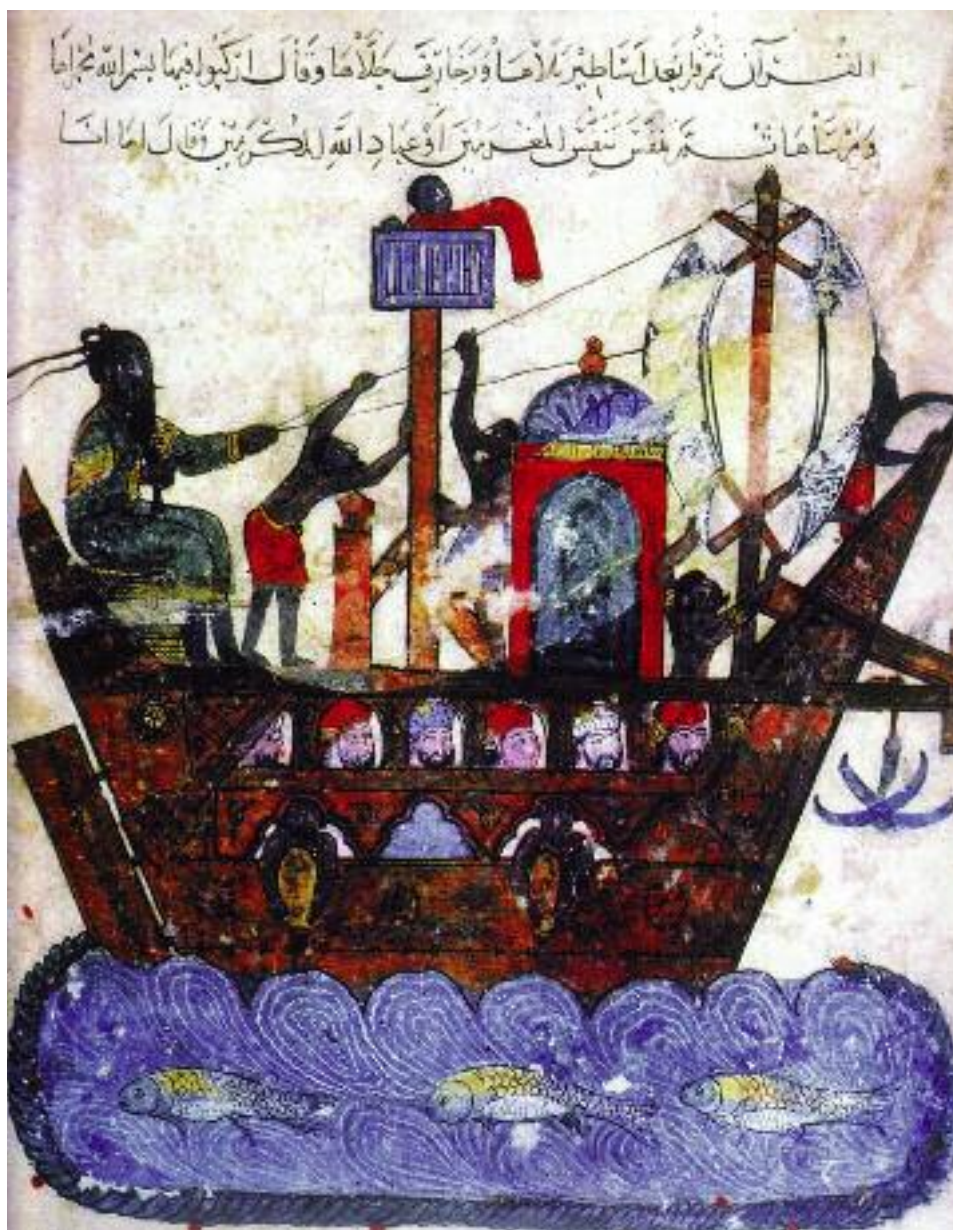
В культурно-историческом плане территории, в тот или иной период включавшиеся в византийский политикум, являлись или пространствами лимитрофными, разделяющими и соединяющими три великие цивилизации — европейскую, афразийскую и российско-евразийскую, или лимбовыми, окраинными областями этих цивилизаций.

зуемым образованием, нежели ее предшественница. Она поглотила большее, чем Византия, количество территорий. Однако Блистательная Порта так и не смогла сравниться с державой кесарей по мировому значению. Чтобы ответить на вопрос, почему это произошло, следует обратиться к истории так называемой Ойкумены.

Ойкумена — единое, сплошное пространство цивилизованных обществ, которое стало складываться на рубеже III—II тысячелетий до нашей эры, в эпоху великих держав архаичного периода мировой истории и первого известного ей Великого переселения народов. До этого целостной Ойку-

мены фактически не существовало. Но цивилизованные общества — Египет, Эгейский мир, Месопотамия, Хараппская цивилизация, высокоразвитая земледельческая культура близ границы нынешних Туркмении и Ирана (Намазга), — имевшие локальный, очаговый характер, установили друг с другом несколько морских и сухопутных путей, ставших предтечами международных артерий античного периода.

К VIII—VII векам до нашей эры — примерно через тысячелетие после начала миграции арийских народов в Индию и предков древних греков в Элладу, — с наступлением «осевого времени», о котором писал

Корабль персидских купцов. 1237

Византия вела очень оживленную торговлю с Ираном, Индией, Китаем, другими странами Востока, а в средиземноморской торговле с Западной Европой до Крестовых походов она была гегемоном. Через нее пролегли важнейшие торговые пути, значение которых сохранялось до эпохи Великих географических открытий.

Карл Ясперс, цивилизованные общества Евразии образовали сквозной и единый широтный пояс. Пояс, все еще непрочный и неустойчивый, рвущийся в результате очередной геополитической катастрофы, но неуклонно восстанавливающий однажды обретенную связность. В эту же эпоху начали формироваться мировые империи, каждая из

которых к началу новой эры поглотила «свой» цивилизационный сегмент Ойкумены, а также связывавшие эти сегменты-империи международные транспортные коридоры наподобие Великого шелкового пути. Контакты по сложившимся тогда мировым артериям осуществлялись прежде всего в направлении Запад–Восток и обратно, в

частности, по линии Северо-Запад–Юго-Восток.

В сферу мирового цивилизованного сообщества античной эпохи были вовлечены Европа (за исключением Скандинавии), пространство евразийских степей от Дуная до Хингана, Западная и Центральная Азия, Иранское нагорье, Индия, Китай, Корея, Северная и Северо-Восточная Африка. Международные коридоры шли по землям Евразийского континента и по прилегающим к ним морям — Средиземному, Черному, Красному и Аравийскому с уже тогда «горячим» Персидским заливом. Важнейшие мировые артерии — главным образом широтные — дополнялись более короткими, так сказать, дистрибутивными, меридиональными в целом путями, уходившими от этих главных магистралей по линии Север–Юг. Эти пути возникали по мере втягивания различных территорий Евразии в Ойкумену. К ним относились дороги из Центральной Азии в Индию, превратившиеся к первым векам нашей эры в своего рода ответвления Великого шелкового пути, коммуникации между странами Средиземноморья, Центральной и Западной Европы, а также появившиеся с течением времени все тот же путь «из варяг в греки» и Волжский торговый путь. Византия оседлала важнейший узел, стратегическое перекрестье этих мировых путей (широтных) и дистрибутивных линий (меридиональных) в западной части Ойкумены. Под ее контролем оказались коммуникации, шедшие из Европы на Восток, в том числе в Северо-Восточную Африку, и из Восточного Средиземноморья в географическую Европу — от Дона до нынешней Франции. Константинополь владел таким узлом, пользуясь всеми возможными выгодами, которые

Жан-Батист Коро. Римский виадук. Мост Августа. 1826

из этого вытекали. Что, кстати говоря, тоже являлось одной из важнейших причин геополитической нестабильности империи: такой лакомый кусок хотел иметь каждый, и Византия в данном вопросе сталкивалась с серьезнейшей конкуренцией.

Конкуренция эта развивалась на фоне продолжавшегося расширения Ойкумены. Данный процесс усилился на рубеже нашей эры. Заметное, хотя и противоречивое, на первый взгляд, ускорение он получил в очередную эру Великого переселения народов (IV–VII века), а к XV–XVI векам, то есть к эпохе Возрождения, расширявшееся мировое цивилизованное сообщество раскинулось столь широко, что его коммуникационные нужды уже не могли удовлетворить сохранившиеся, хотя

Международные коридоры шли по землям Евразийского континента и по прилегающим к ним морям. Важнейшие мировые артерии – главным образом широтные – дополнялись более короткими, так сказать, дистрибутивными, меридиональными в целом путями, уходившими от этих главных магистралей по линии Север–Юг.

и существенно видоизменившиеся с античной эпохи, международные магистрали, проходившие по Евразийскому континенту и его прибрежным морям. И тогда пробил час Мирового океана. Важнейшие транспортные пути были проложены по его просторам, прежние же артерии начали испытывать относительный упадок, правда, окончательно не заглохли. Причем большую роль в деле перенесения международных путей на океанические пространства парадоксально-логичным образом сыграл... успех геополитических наследников (рав-

но как и могильщиков) Византии — османских турок, захвативших важнейший узел старых международных артерий, принадлежавший восточным кесарям. В сущности, именно благодаря бурно развивавшейся коммуникационно-транспортной роли океанических вод и стала ослабевать международная значимость Черноморских проливов, а Османской державе в XV–XX веках так и не удалось стать столь же масштабной мировой силой, какой была ее предшественница Византия в IV–XII столетиях. Дальнейшее усиление океанских ком-

Византия оседлала важнейший узел, стратегическое перекрестье мировых путей (широтных) и дистрибьютивных линий (меридиональных) в западной части Ойкумены. Под ее контролем оказались коммуникации, шедшие из Европы на Восток, в том числе в Северо-Восточную Африку, и из Восточного Средиземноморья в географическую Европу.

муникаций, подогреваемое быстрым техническим прогрессом, с начала XX века привело к еще большему падению значения Проливов в планетарном масштабе. Это отчасти способствовало кризису и крушению Османской империи и является одной из главных причин того, что преемница последней, республиканская Турция, вторая производная Византии и новая репродукция ее геополитической матрицы, играет еще меньшую мировую роль, нежели султанский Стамбул. Таким образом, Византия была не отдельной и особой цивилизацией, а оригинальнейшим лимитрофом, дер-

жавно организованным фокусом международной торговли и в целом мирового транзита по линии Восток—Запад, а реставрация ее в блеске величия, сколько-нибудь сопоставимом с тем, которым она обладала, практически невозможна, хотя идея восстановить державу константинопольских кесарей всплывала неоднократно. Однако дальше геополитических фантазий и грез дело не шло. В этом контексте можно сказать о «Мегали Идэа» и в некоторой степени о «Греческом проекте» Екатерины II. «Неоосманизм» же нынешней Анкары, который пытается развивать его идеолог Ахмет Давутоглу вме-

сте с турецкой Партией справедливости и развития, нет смысла рассматривать здесь, ибо речь не об Османской империи, а о византийском ее прообразе.

«Мегали Идэа» — зародившийся в греческой среде геополитический план, предусматривавший воссоздание Византии со столицей в Константинополе в качестве государства, основное население которого составят этнические греки. Именно они должны были занять в нем ключевые посты. На практике этот проект после поражения Османской империи в Первой мировой войне попытался реализовать греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос, что обернулось тотальным столкновением с Турцией в 1919–1922 годах. Греция оккупировала большую часть Восточной Фракии (без Константинополя, занятого войсками Антанты) и Северо-Западную

Анатолию, но в конечном итоге проиграла армии турецкого генерала Мустафы Кемаля (будущего Ататюрка), а греческое население Анатолии вслед за армянами подверглось геноциду и депортации. С тех пор греков в турецких владениях почти не осталось (кроме Стамбула-Константинополя, но после погрома 1955 года произошел масштабнейший исход греков и оттуда), а «Мегали Идэа» была сдана в архив.

«Греческий проект» обсуждался Екатериной Великой и австрийским императором Иосифом II. Он предусматривал создание буферного королевства Дакии во главе с государем «греческой» (православной) веры, которое должно было образоваться из княжеств Валахия и Молдова, и Греческой империи со столицей в Константинополе. Главой последней должен был стать внук Екатерины, великий князь Константин Павлович, которого к этой участи готовили едва не с рождения. Однако «Греческий проект» не сработал — прежде всего потому, что во второй половине XVIII столетия Османская империя только начала превращаться в «больного человека Европы». На протяжении «галантного» века она была чересчур сильна, чтобы позволить оторвать от себя огромный европейско-малоазиатский кусок и лишиться фундамента султанских владений — Царьграда с обрамляющими его Проливами. Надо сказать, что лишь последняя треть XVI–II века принесла России, равно как и австрийским Габсбургам, устойчивый — неуклонный и необратимый — успех в войнах с турками.

Историческая и геополитическая уникальность Византии заключается в том, что это была единственная империя античного мира (точнее — перестроившаяся в но-

вую самостоятельную державу часть таковой), которая выстояла под натиском варваров и просуществовала еще целое тысячелетие. Почему случилось именно так, ведь, скажем, Центральноазиатский «узел скучивания» («золотой замок» на двери к контролю над всей Евразией и к мировому господству) в эпоху становления Византии находился в руках могущественной империи Гуптов? Почему ни там, ни на Иранском нагорье не появилось собственной «Византии»?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать все в той же геополитике. В эпоху Великого переселения народов, положившую начало Средневе-

«Мегали Идэа» — зародившийся в греческой среде геополитический план, предусматривавший воссоздание Византии со столицей в Константинополе. Этот проект после поражения Османской империи в Первой мировой войне попытался реализовать греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос.

ковью, решающей силой на континентальном театре военных действий оказались варвары, но в то время никто из них не обладал сколько-нибудь значительной морской мощью. Варвары могли побеждать на суше. Здесь они в конечном итоге уничтожили и Западную Римскую империю (германцы), и наследовавшую Парфии державу Сасанидов (аравийские племена под знаменем Магомета), и династию Гуптов (гунны-эфталиты и другие центральноазиатские кочевники, также сотрясавшие и Китай). Но на море в силу своей технической отсталости эти «младые, незнакомые» были намного слабее античных народов с имперским прошлым. Фактор морского могущества не играл большой роли ни в Западной Римской империи, ни тем более в раннесредневековых Индии, Иране, Китае. В то же время уничтожить Восточную

Элефтериос Венизелос

Римскую империю могло только сочетание морской и континентальной силы, которого в руках у варваров не было. Византия сумела выжить, опираясь на прибрежные крепости по линии Босфор–Дарданеллы и прежде всего на вековые стены Константинополя, а также на крупный военно-морской флот, отсутствовавший у теснивших ее врагов и позволявший кесарям удерживать эти крепости.

Именно благодаря уникальным для тогдашней Ойкумены условиям и стратегическим обстоятельствам, вытекавшим из геополитической специфики Византии, она была и осталась единственной в своем роде.

Византия, византизм и Россия

Рассмотрев, что представляла собой Византия в культурно-историческом (цивилизационном) и в геополитическом

«Греческий проект» Екатерины Великой предусматривал создание буферного королевства Дакии во главе с православным государем, которое должно было образоваться из княжеств Валахия и Молдова, и Греческой империи со столицей в Константинополе. Главой последней должен был стать внук Екатерины, великий князь Константин Павлович.

смысла, можно попытаться ответить на вопрос о значении ее для России и о том, в какой степени вторая является преемницей первой.

Начнем с последнего. Если, как отмечено выше, Византия была имперской цементацией лимитрофов и периферий трех различных цивилизаций, а базисом ее была ключевая область Балкано-Анатолийского «узла сгущивания», располагающегося в зоне Великого лимитрофа, то современная Россия есть объединение земель одного-единственного — российско-евразийского — историко-культурного мира. Территории, находящиеся в ее составе, принадлежат к ядру и лимбовым зонам этой цивилизации, и только окраины нашей страны относятся к лимитрофам. Базис же ее находится

в центре важнейшего макрорегиона (метакультуры) России — Восточно-Европейской равнины — и имеет четкую российско-евразийскую цивилизационную идентичность. Геополитически Российское государство росло и развивалось именно путем включения, интеграции или же освоения пространств, входящих в состав российско-евразийского культурно-исторического мира (цивилизации).

Таким образом, Россия по самой своей природе — проект цивилизационный, это — государство-цивилизация, причем более цельная, полноформатная его версия, нежели, к примеру, Китай. Византия же по определению — проект лимитрофный: классический пример удачной (а учитывая ее долголетие — максимально

удачной во всей мировой истории) «лимитрофной империи», гораздо более успешной, чем, скажем, такая «лимитрофная империя», как Речь Посполитая, которая к тому же располагалась на рубеже двух цивилизаций, относившихся к одной метацивилизации, а не трех, принадлежавших к двум метацивилизациям. Поэтому прямым преемником Византии Россия не является и не может являться в принципе, как бы этого кому-либо ни хотелось. Следует говорить лишь о косвенной, частичной и ограниченной преемственности России по отношению к Византии. Если речь идет о геополитике, то здесь данная преемственность заметна в тех областях, которые сопредельны для обеих держав и выступали или все еще выступают как их периферия, близкая и далекая. Это прежде всего Кавказ и Причерноморье, но в целом следует иметь в виду всю Переднюю Азию от Синайского полуострова до побережья Каспия. В то же время подлинными

Василий Верещагин. Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой. 1878–1879

историческими, геополитическими и просто функциональными преемниками Византии, последовательно сменявшими друг друга, являются Османская империя и современная Турция. Анкара в последние годы развернула знамена неосманизма, но теряет свои военные самолеты из-за профессиональных действий системы ПВО Сирии — страны, лежащей в сфере как византийского, так и османского наследства и выступающей объектом завуалированной экспансии современной Турции. Тем не менее значение Византии и византизма для России чрезвычайно велико. Византизм как политическая и религиозно-культурная практика, образец для подражания и державно-государственная идея утвердился в Московской Руси в середине XV столетия и сошел на нет в этом качестве лишь ко временам Петра I. Как таковой он был своего рода предшественником и праформой «европейской идеи», которой руководствовалась верховная власть страны с конца XVII века и до октября 1917 года. Но мощное влияние византизма сказывалось на всем протяжении «ев-

ропейского», или же «петербургского» периода русской истории и продолжает, хотя и в существенно ослабленном виде, сказываться сейчас. Византизм в той или иной степени вдохновлял консервативную мысль императорской России, сильнее всего образом воздействовал на ее внешнеполитические ориентиры, выразившись, в частности, в стремлении русского престола получить твердые позиции на Балканах и прибрать к рукам Константинополь с Проливами. Сплав византизма с либеральными идеями, в частности, славянофильского толка породил такое явление, как панславизм.

Однако сейчас время этого византизма прошло — вместе с, увы, распавшейся и уничтоженной кровавыми бурями Российской империей. Ни Проливы с Константинополем, ни балканские страны не могут и не должны стать глав-

Время византизма прошло — вместе с распавшейся и уничтоженной кровавыми бурями Российской империей. Ни Проливы с Константинополем, ни балканские страны не могут и не должны стать главной, приоритетной сферой нашей международной активности. Это доказала уже Первая мировая война, которая собственно и свела в могилу историческую Россию.

ной, приоритетной сферой нашей международной активности. Это доказала уже Первая мировая война, которая собственно и свела в могилу историческую Россию и привела к тому, что XX век явился, пожалуй, самым тяжелым и жестоким веком нашей национальной истории. На своем исходе он породил болезненные пертурбации двух последних десятилетий, продолжающиеся и в настоящее время. Можно сказать, что в некотором смысле мы до сих пор расхлебываем последствия не вполне вменяемого и адекватного — в скрещивании с либеральной идеологией — дореволюционного византизма во внешней политике. Место этого исчерпавшего себя, ушедшего в пески времен геополитического заряда должна занять трезвая и прагматичная цивилизационная идея, лежащая в интеллектуальном поле современного евразийства.